

УДК 141.319.8

DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-39-54

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ ВЫБОР В ГОРИЗОНТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

Карашук Маргарита Николаевна – соискатель учёной степени кандидата философских наук, Институт философии РАН. 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: nikolaevna44.margarita@gmail.com

Статья посвящена феномену экзистенциального выбора в его философском осмыслении. Автор предпринимает попытку реконструировать существенные характеристики и особенности экзистенциального выбора, опираясь на работы С. Кьеркегора и М.К. Мамардашвили, считавшего датского мыслителя одним из ключевых философов. Наследие основоположника экзистенциальной мысли и последователя традиции рационализма изучается в диахронном темпоральном аспекте. С. Кьеркегор и М. Мамардашвили в своих философских работах создают учение о свободе и условиях её достижения. Своей целью автор ставит определение параметров экзистенциального выбора, совершаемого под влиянием эстетических переживаний, которые формируют вторую реальность человека с творческим мировидением. Значимость этой реальности рассматривается в концепции С. Кьеркегора, посвящённой формированию личности человека в трёх направлениях: эстетическом, этическом и религиозном. В статье осуществляется комплексное исследование параметров экзистенциального выбора в эстетической перспективе, который ведёт к получению опыта эстетического восприятия реальности, связан с удовольствием и творческим наслаждением, а реализация такого выбора поддерживается воодушевлением и страстью. Эстетически осуществляемый человеком экзистенциальный выбор развивает у него карнавальное мироощущение, при котором собственная личность, её решения и роль в жизни других людей воспринимаются условно. Экзистенциальный выбор в эстетическом ракурсе носит черты непосредственности, он во многом бессодержателен, ограничен и одновременно с этим онтологически невозможен в отрыве от этических и религиозных оснований человеческого существования.

Ключевые слова: экзистенциальный выбор, искусство, эстетическое мировосприятие, экзистенциальный опыт, философия культуры

Цитирование: Карашук М.Н. Экзистенциальный выбор в горизонте эстетического мировосприятия // Цифровой учёный: лаборатория философа. 2025. Т. 8. № 1. С. 39-54. DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-39-54

Рукопись получена: 22 февраля 2024

Пересмотрена: 18 марта 2025

Принята: 20 марта 2025

EXISTENTIAL CHOICE IN THE HORIZON OF THE AESTHETIC WORLDVIEW

Margarita N. Karashchuk – PhD
Applicant in Philosophy. Institute
of Philosophy, Russian Academy
of Sciences. 12 bld. 1 Goncharnaya
St., Moscow 109240, Russian
Federation; e-mail: nikolaev-
na44.margarita@gmail.com

The article is devoted to the phenomenon of existential choice in its philosophical understanding. The article attempts to reconstruct the topic of essential characteristics and peculiarities of existential choice with reference to the works of S. Kierkegaard and M.K. Mamardashvili, for whom the Danish thinker was one of the key authors. The heritage of the founder of existential thought and follower of the tradition of rationalism is studied in diachronic temporal aspect. C. Kierkegaard and M. Mamardashvili in their philosophical works create the doctrine of freedom and conditions of its achievement. The purpose of the proposed reflection is to determine the parameters of existential choices made under the influence of aesthetic experiences that form a 'second reality' for a person with a creative worldview. The importance of creating such a 'second reality' is connected with the concept of human personality formation, orientated simultaneously in three directions - aesthetic, ethical and religious (S. Kierkegaard). The article provides a comprehensive study of the parameters of existential choice in the aesthetic perspective. It leads to the experience of aesthetic perception of reality, is associated with pleasure and creative enjoyment. Its realisation is supported by enthusiasm and passion. The existential choice aesthetically realised by a person develops a carnivalesque worldview, in which one's own personality is perceived conditionally, its decisions have a cancellable character, as well as its role in the life of another person. Existential choice is a separate stage or fragment of integral personal development. Existential choice in the aesthetic perspective bears the features of immediacy, it is largely contentless, limited and, at the same time, ontologically impossible in isolation from the ethical and religious foundations of human existence.

Keywords: existential choice, art, aesthetic worldview, aesthetic pathos, existential experience, philosophy of culture

How to cite: Karashchuk, M.N. (2025). Existential choice in the horizon of the aesthetic worldview. *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 8 (1): 39-54. DOI: 10.32326/2618-9267-2025-8-1-39-54 (In Russian).

Received: 22 February 2024

Revised: 18 March 2025

Accepted: 20 March 2025

*Настроимся на то, что наша двойная звезда, о которой я
говорил, т.е. о впечатления
(пока мы ещё не знаем какого) и точка, в которой мы
находимся
(я назвал её непроходимой, т.е. такой, в которую извне ничто
не поступает) – это двойная звезда в действительности
есть некая маленькая светлая точка в совершенно
тёмных безднах мироздания, светящаяся очень слабым светом*
М. Мамардашвили

В словах М. Мамардашвили о двойной звезде акцентирована наша непроходимость, закрытость для мира, обступающего человека извне. Но что следует понимать под непроходимостью? Сродни ли она непроницаемости для проявлений мира или больше соответствует устойчивости, укоренённости личности в собственном бытии? Если в первом случае непроходимость негативна, она порождает многочисленным искажениям идентичности, то во втором – позитивна, позволяет сложить поступающие впечатления в уникальную целостность, устойчивое сияние которой и есть личность. Природа отражаемости впечатлений напрямую связана с осуществлённым или оставленным в напряжении экзистенциальным выбором.

Впервые в истории философии о сущности экзистенциального выбора заговорил С. Кьеркегор в своей работе «Или-или». В его представлении экзистенциальный выбор простирается личностью одновременно в трёх направлениях: эстетическом, этическом и религиозном. Эти направления не рядоположны по отношению друг к другу, а находятся в тесном симбиозе, в живом взаимодействии: «Это постоянные области внутри “я”, которые, подобно диаграмме Венна, пересекаются друг с другом в определённых ключевых точках» (Barnett, 2018, p. 186). Человек в ситуации выбора втянут в эту игру направлений. Каждое его решение определяет ракурс мировидения, в котором непременно даны все три режима существования, но даны они в уникальных пропорциях.

Пропорции зависят от ряда условий, особым образом реализуемых в эстетической, этической или религиозной проекции человеческого бытия. Эти условия заданы:

- характером пространственно-временной парадигмы, воспринятой человеком;
- совокупностью его переживаний;
- особенностями его самовосприятия.

Все эти параметры экзистенциального выбора вольно или невольно оказывают влияние на человека, находящегося в шаге от принятия жизненно важного решения. Вольное или невольное уклонение от экзистенциального выбора свойственно людям, переживающим события собственной жизни в поэтическом ареоле. Человек, как творец произведений искусства или собственной судьбы, принимает свои решения в двух регистрах существования:

первом – в условиях восприятия «прекрасного» посредством приобщения к искусству в качестве зрителя и посредством развития мировидения творца, создающего из собственной жизни прообраз уникального мира. В статье акцент сделан на втором регистре. Попытка реализации экзистенциального выбора в этих условиях (без опоры на иные внеэстетические системы координат) может определяться неустойчивостью, отсутствием онтологической детерминации, многообразием собственных, не согласованных друг с другом предпочтений и аффективными представлениями (De Faijo, 2015, p. 1475).

Пространственно-временные блики эстетического

На эстетической стадии мировосприятия формируется человек-творец, открытый миру всем своим существом. Творец ранимый и ранящий, экзальтированный и опустошённый. На пути к достижению сопричастности к высокой реальности, ведущей к духовным сферам бытия и к открытию личной свободы, гармонии, абсолютной полноты жизни (Никитина, 2018, с. 110), человек познаёт себя в многочисленных переходах от мысли к чувству и в обратном направлении. Эти переходы живут настойчивостью-порывом, а не настойчивостью-горением. Порыв вторит чувствам, а горение – мыслям.

Порыв, мгновение, настроение, настоящее, красота – сокровища, которые сокрыты во времени и пространстве и становятся доступными человеку, утвердившемуся на эстетической стадии мировидения.

Мгновение сродни впечатлению, на краткий миг поражающему человека. Эффект этого поражения столь долгожданен и сладостен, что личность желает растянуть и усилить этот краткий миг, подобрать для него одеяние, уготованное тем или иным видом искусства: «Для эстетического представления всегда требуется сосредоточенность на моменте, чем богаче эта сосредоточенность, тем сильнее эстетическое воздействие» (Кьеркегор, 2021, с. 20).

Эта сосредоточенность на моменте обеспечивается эстетиком в создании условий, при которых эффект его присутствия в глазах других людей станет более притягательным и волнующим. Особенно ярко об этом сказано у С. Кьеркегора в «Дневнике обольстителя»: «Лучше я припомню ей эту минуту впоследствии. Воспоминание не только сохраняет данное впечатление, но ещё и значительно усиливает его, то есть впечатление, проникнутое воспоминанием, действует куда сильнее» (Кьеркегор, 2021, с. 125). Эстетически сформированная личность находит особый интерес в возвышении настоящего средствами художественного мастерства.

Личность, одарённая эстетическим мировидением, подчёркнуто индивидуалистична. Она всегда знает, что именно представляет для неё наивысшую ценность, какие впечатления наиболее значимы и ценны, поэтому в своих поисках склонна придерживаться

однажды заданного маршрута. Такой подход чреват постепенным углублением самоограничения, тенденцией к изобретению собственных, пусть и художественно утончённых, но неизбежно порабошающих рамок. «Эстетик был весь укоренён в настоящем, – точнее, он разбивал всё существование на непрестанно повторяющиеся атомы» (Кьеркегор, 2021, с. 29). Из повторяющихся атомов складывается запоминающийся мотив, который может стать визитной карточкой человека, сделать его в некотором роде признанным, но едва ли тот же самый мотив будет соразмерен ему на всех этапах общения с миром. Время для эстетически развитого человека определяется исключительно настоящим. Он в буквальном смысле слова обречён на погоню за уходящим настоящим. Настроение человека здесь не зависит от прошлого, не устремляется к будущему, оно пространственно ориентировано: «Настроение для того, кто живёт эстетически, всегда эксцентрично, поскольку центр для такого человека пребывает на периферии» (Кьеркегор, 2021, с. 665).

Получается, что пространство здесь задаёт состояние, а череда настроений определяется разорванностью внешним. По словам М. Мамардашвили, наша очарованность чем-то извне нередко становится ловушкой, в которую мы попадаем по собственному желанию. «На красивом мы иногда останавливаемся, потому что не можем идти до конца» (Мамардашвили, 2018, с. 134). Красота, даруя вдохновение, одновременно прибывает нас к месту, находясь в котором мы имеем шанс её созерцать, восторгаться ею. Следует отметить, что на эстетической стадии красота не поражает нас настолько, чтобы в высшей своей октаве отозваться в нас глубинным молчанием. Неизбежно она разбивается на языки перевода: пластические, словесные, художественные, музыкальные. Красота истощается в переложениях, а мы истощаемся в описаниях. Любопытно об этом сказано в книге М. Мамардашвили: «Он просто склеился с терминами описания и через них изживает некое предшествующее заданное состояние» (Там же, с. 150). У Кьеркегора эстетик укоренён в настоящем, застигнут врасплох мгновением без осознания того, что итогом его изнурения станут иллюзорные формы некогда бывшего. Почему иллюзорные? По причине их бытийной оторванности от исчезающего момента. И чем более искренно и страстно эстетик запаковывает мгновение в форму, тем устойчивее он стремится к созданию безжизненных мотивов, по которым его узнают, а он себя – нет.

Это настоящее он готов принимать только в облики нового, свежего, непознанного и оригинального. Повторение как «постоянное повторение выбора, несущее тревогу, страх, неуверенность и отчаяние» (Pavlikova, 2023) для него сродни приземлению, обмирщению его богатой поэтической натуры, ускользающей от определений.

Увидеть, воспринять себя целостно в конкретных условиях пространства и времени, прибегая к помощи эстетической интуи-

ции, – заведомо невозможно. Инструментарий разных видов искусств, с помощью которого мы всякий раз силимся отлить в форму собственное чувство, переживание или эмоцию, оказывается не всегда уместным по причине, наиболее точно выраженной русским философом М.М. Бахтиным. «Другой интимнее связан со временем... он весь сплошь во времени, как он весь и в пространстве, ничто в переживании его мною не нарушает непрерывной временности его существования. Сам для себя я не весь во времени, “но часть меня большая”, интуитивно, воочию переживается мною вне времени, у меня есть непосредственно данная опора в смысле. Это опора непосредственно не дана мне в другом, его я сплошь помещаю во времени, себя я переживаю в акте объемлющим время» (Бахтин, 2022, с. 183). Эстетическая интуиция бессильна помочь человеку получить откровение о себе самом. Человек, прибегая к её помощи, не сможет самостоятельно воссоздать образ себя во всей полноте. Для эстетического самовосприятия ему доступны лишь те частные проявления, в которых он забывается, уходит от сопровождения происходящего своим внутренним голосом и отдаётся во власть чувствам и эмоциям. Отстранённая рефлексия дарует шанс воспринять себя эстетически, когда человек являет себя всецело во времени и пространстве, становясь сплошной внутренне и внешне безоценочной реакцией на событие.

Человек открывает в себе эстетическую интуицию исключительно в двух ситуациях, когда он в действительности обращается к другому (человеку или Богу) и когда он сам замирает в образах, сложенных другим. Только жизнь другого, запаянная во времени и пространстве, доступна взору и направляющей руке творца.

В кольце переживаний

Эстетическая стадия мировосприятия не предоставляет человеку шанса увидеть себя целостно. Она навязывает ему условия для наслаждения фрагментарностью, которая сопровождается переживаниями воодушевления, абсолютной страсти, чувства мести. Выявленное С. Кьеркегором эмоциональное триединство поэтапно раскрывает перед человеком трагедию невозможности выразить себя теми материально оформленными средствами, которые предоставляет ему жизнь.

Воодушевление подступает к нам на первом этапе эстетического притяжения. Мы подпадаем под очарование предметом или явлением, воспринимаем его всё большую власть над нами. Человек, обращённый наружу, начинает воспринимать жизнь в том измерении, где на первый план выходят такие понятия, как «удача, неудача, судьба... отчаяние – всё это определения, которые имеет в своём распоряжении эстетическое мировоззрение» (Кьеркегор, 2021, с. 426). Эти определения задают тон детерминированности человека. В таких условиях он склонен пересматривать своё понимание

ответственности, снимать её с себя или перекладывать на другого, а иногда и просто отказываться от неё, ссылаясь на обстоятельства.

В зависимости от степени эстетической одарённости переход от воодушевления к страсти и от страсти к мести может осуществляться для человека в образах «двойного наслаждения»: «В первом случае он сам отдаётся упоению эстетического, во втором – он эстетически наслаждается своей личностью; в первом – он лично эгоистически наслаждается этой, им же самым опоэтизированной действительностью, во втором – личное “я” как бы стушевывалось: наслаждаясь каким-нибудь положением, он смотрел на себя как-то со стороны и наслаждался видом самого себя в этом положении» (Кьеркегор, 1999, с. 291). Прелесть этого перехода заключается в попеременном рассматривании мира и себя сквозь вуаль воображения. Плотность и красота узора этой вуали напрямую зависят от мифотворческого таланта её создателя, в котором поэтически воссоздаётся всё, к чему имеет отношение живущий.

Однако перед тем, как человек полностью или частично отойдёт от понимания своей сопричастности собственной жизни, ему предстоит выдержать натиск страсти, оказаться до краёв наполненным ею. Апогей эстетического мировосприятия, явленный в страсти, – это своеобразная точка отсчёта, в которой человек может быть обречён закостенеть в чувствах и эмоциях, преследуя их до тех пор, пока они не превратятся в знаки дурной повторяемости, или может сподвигнуть себя на утверждение мировоззрения в этической плоскости восприятия бытия, обозначенной С. Кьеркегором и находящейся в тесной связи с двумя другими плоскостями (эстетической и религиозной).

«Внутри абсолютной страсти поглощённый страстью человек находится на вершине своей конкретной субъективности, поскольку он уже с помощью рефлексии вывел себя из какой бы то ни было внешней относительности, между тем третье лицо всегда вносит эту относительность» (Кьеркегор, 2021, с. 495).

Совершенно очевидно, что страсть – граница личной субъективности, поскольку она воспламеняет человека только при соприкосновении с чем-то конкретным, с чем-то определённым и безоговорочно принятым именно им. Субъективность же – производное чувственного, рационального и духовного, взятых в их тесной взаимосвязи и взаимозависимости. Однако страсть и рефлексия с позиции человека, переживающего первую и отдающегося во власть второй, сущностно отделены друг от друга. Им невозможно надолго совпасть в одной плоскости. Рефлексия обладает собирающим свойством, в то время как страсть – концентрирующим. Рефлексия собирает мысли воедино для создания относительно целостной картины. Страсть же уплотняет и заостряет силу нашей эмоциональной экспрессии. Интенсивная рефлексия рождает идею, а попытка материализовать её отпускает на волю страстный порыв, истощающийся по мере своего движения. Лихорадочная страсть, выплескиваясь до конца, останавливает человека, заставляет

осматриваться по сторонам (в ожидании помощи другого, называемого в работах С. Кьеркегора третьим лицом) и подыскивать себе новые опоры, но уже в виде разбегающихся мыслей.

За третьим лицом, о котором говорит С. Кьеркегор, может скрываться не только посторонний человек – свидетель страсти. За ним может скрываться и сам носитель того до поры скрытого начала, которому в своей максимальной проявленности невозможно противостоять. И уже в этом третьем лице, безотносительно способа его обнаружения, начинают проступать черты этического мироустройства, что свидетельствует о тесном переплетении и взаимовлиянии прежде всего двух стадий, выделенных датским философом, – эстетической и этической.

Но как возможно смещение собственной позиции? На что расходовать свои силы, чтобы не потерять себя, будучи ввергнутым в экспрессивный вихрь незрячей красоты? Незрячей красоты по причине патологической упоённости собой и своим, доводящей человека до беспомощности и паразитического существования за счёт реакций других людей на жизнь его исключительной персоны. «Необходимо вдвинуть между моим внутренним самоощущением – функцией моего пустого видения – и моим внешне выраженным образом как бы прозрачный экран, экран возможной эмоционально-волевой реакции другого на моё внешнее и явление: возможных восторгов, любви, удивления, жалости ко мне другого; и, глядя сквозь этот экран чужой души, низведённой до средства, я оживляю и приобщаю живописно-пластическому миру свою наружность» (Бахтин, 2022, с. 275). Воссоздание образа «фиктивного героя» – единственный шанс на проживание эмоций двусторонне – извне и снаружи, уникальная возможность интегрировать их в целое собственной жизни.

Если же по каким-то причинам человек задерживается в границах, очерченных страстью, не находит возможности выхода к так называемому третьему, не уравнивает эмоции мыслями, то его настигает чувство мести. «Чувство мести – это состояние всякого человека, который сам себя не реализовал, не позволил себе пароксизма страсти, пароксизма честолюбия, пароксизма жизнеутверждения, пароксизма перехода всяких мер и прочее и в этом смысле не реализовал себя как человек» (Мамардашвили, 2018, с. 103). Приведённая цитата М. Мамардашвили определяет стадиальность пароксизма. Эта стадиальность в проживании пароксизма имеет особое значение, особенно в контексте устремлений по линиям пароксизма – от линии страсти до линии жизнеутверждения, минуя линию честолюбия. Именно переходя за границу конкретной страсти, мы выходим к честолюбию, а оттолкнувшись от честолюбия утверждаем такой формат личностного бытия, который избран человеком на выделенный промежуток времени.

Избежать чувства мести, которым оборачивается страсть, возможно только при одном условии. Страсть должна потерять адресность, избавиться от земных, строго направленных оков, чтобы

стать чистой энергией, сопровождающей эстетический пафос, который овладевает человеком в то время, как он «отказывается от самого себя, чтобы постичь нечто великое» (Кьеркегор, 2021, с. 385).

Эстетический пафос предвещает пафос экзистенциальный. Если первый определяет «растворение в идее», то второй «возникает вследствие воздействия идеи на саму экзистенцию» (Кьеркегор, 2021, с. 382).

Поиск отражения себя

Заражение эстетическим пафосом может произойти в том случае, если человек определённым образом воспринимает себя. Эстетическое постижение мира предполагает становление и развитие человека непосредственности. «Посмотрите на людей непосредственности; не желать быть собою, или еще хуже, не желать быть Я, или же самое худшее, желать быть другим, желать себе новое Я» (Кьеркегор, 2012, с. 70). Непосредственность в некотором роде синонимична распаханности миру, а не открытости ему. Открытость предусматривает наличие своей теневой стороны в виде закрытости от мира, первая же начисто лишена её. Что таит в себе такая распаханность? Распахнутость как хранилище спонтанных реакций, распаханность как не стабилизируемая, бесконечная потенциальность, распаханность как пустотность, вбирающая в себя все сторонние влияния. Скорее, распаханность здесь трактуется в последнем смысловом ракурсе, поскольку за ней стоит желание перевоплощаться, не воплощаясь целокупно, доходя при этом до той или иной формы самоузнавания. Подобного рода перевоплощение подобно игре в прятки с самим собой.

Образное выражение игры в прятки с самим собой находим в «Дневнике обольстителя». Главный герой сравнивает свою душу с образом озера. «Моя душа похожа на такое озеро. Оно то спокойно даёт твоему образу отражаться в его недвижной глубине, то вдруг вообразит, что наконец схватило твой образ, и выступает из берегов, чтобы не дать ему ускользнуть, то опять утихает и лишь слегка колыхнется, играя твоим изображением, то вновь темнеет и мечется в отчаянии, вообразив, что потеряло его» (Кьеркегор, 1999, с. 186). Несомненно, душа героя полна эмоций и чувств, но все они не имеют собственного течения, не подвержены естественному, а не заданному извне обновлению и не способны обновлять так же, как и вода в озере застаивается без течения. Герой не желает увидеть себя своими глазами, он увлечён погоней за собственным отражением в глазах той, что на краткий миг представляет для него объект пытливого интереса. Одновременно с этим он сочиняет правила игры, которым сам в полной мере не планирует подчиняться. Эти правила прописаны «воображением, силы которого растрчены не на развитие идеального “я”» (Stoker, 2010, p. 5), воспринимаемого общим или частным образом, а на создание поэ-

тических силков, в которые будет поймана героиня. Постановка этих силков требует неустанного наблюдения, неотъемлемым качеством которого является тотальность (Penchev, 2018, p. 193). Однако тотальность парадоксальным образом нуждается в свободе, лишённой контроля, с которым наш герой расстаться не готов. Поэтому чем более подробно он регистрирует акты сочинённой им драмы, тем более глубоко погружается в созданный им личностный раскол.

Каждый виток такой игры содержит конфликт. Этот конфликт заблаговременно перенесён вовне ещё до той поры, пока он не наберёт полную силу изнутри. «Если внутри себя самого индивид совсем не диалектичен, если вся диалектика находится вне его, мы имеем дело с эстетическими толкованиями» (Кьеркегор, 2021, с. 556). Толкования, интерпретации никак не сродни созданию нового, на которое столь неистово претендует эстетик. Его жизненные «этюды» не индивидуалистичны, они пародийны по причине не осознаваемого им, сокрытого от самого себя страха перед глубиной чувств и взаимоотношений в равной степени как с другими, так и с миром. Глубинной причиной такого неразрешимого противоречия между желаемым и действительным в мире эстетика становится его собственное мировоззрение, принадлежность которого к одному из типов религиозных верований столь удачно определил датский мыслитель. «С точки зрения Кьеркегора, эстетик, по сути, является язычником, не понимающим всей трагичности своего бытия и подлинной сущности духовного» (Симонова, Аверюшкин, 2022, с. 74).

Содержание будущего для такого человека уловлено сетью возможностей, перебирать которые можно бесконечно, так и не распознав среди них те, которые в случае выбора их именно для него перевоплотятся в необходимость. Именно в этом неизбежном замирании перед видением многоуровневой действительности воссоздается эстетика романтизма, концентрировавшая внимание «на интуиции хаоса как беспредельного накопления творческой потенции бытия и художника» (Бычков, Маньковская, 2022, с. 167). Если выбор так и не случился, «если возможное перепрыгивает через необходимость и, таким образом, Я устремляется вперед и теряется в возможностях, не укореняя вызывающего в необходимости, налицо отчаяние возможного. Это Я становится тогда абстракцией в возможном, истощается там и бесплодно барахтается» (Кьеркегор, 2012, с. 57).

Вторит взгляду С. Кьеркегора на примечательные черты эстетика в плане его самовосприятия М. Мамардашвили. Вместо возможностей, предстающих перед человеком, как у С. Кьеркегора, у М. Мамардашвили речь идет о догоняющих его или ускользающих от него вариациях: «Вариация есть способ существования того, что не вполне знакомо» (Мамардашвили, 2016, с. 589). Слово «возможность» по значению своему сопряжено с нашей способностью или неспособностью что-то делать. Оно естественным обра-

зом предполагает некоторые последствия, отбрасывающие тень не только на себя, но и на мир. Вариации же связаны, скорее, со вкусовыми предпочтениями. Их выбор индивидуалистичен, но никак не личностен. Мысль М. Мамардашвили заставляет задуматься о том, что выбор, сделанный в диапазоне «нравится-не нравится», по сути своей выбором не является, поскольку основанием для такого выбора служат наши переменчивые настроения, состояния. Их диктат не имеет ничего общего с императивом. Этот флуктуирующий диктат образует завесу от тех значимых черт и проявлений, которые структурируют личность. Личностную структуру задаёт этическая ориентация человека и его духовный облик, формируемый теми стремлениями, которые преобразуют или упраздняют пространственно-временные ограничения и обусловленность миром чувств и восприятий.

Кроме того, привычка повиноваться эмоциональным «поветриям» не позволяет распознавать эти эмоции, завладевающие всем человеческим существом. Человек, избирающий подобную тактику заведомо отдаёт эмоциям преимущество, позволяя повторяться тем из них, перед которыми он вынужден раз за разом капитулировать. «Ты не можешь “быть” и всё время “быть” продолжением самого себя”, поскольку если ты будешь просто продолжать самого себя, не имея преодоленного опыта отрицания, то ты целиком превратишься в мёртвую марионетку самого себя» (Мамардашвили, 2019, с. 84). Преодоленный опыт отрицания важен на всех этапах становления личности – на эстетическом, этическом, религиозном. Он позволяет распознать и принять понятный человеку язык искусства, очертить границы допустимого, наметить перспективы для душевной и духовной реализации.

Ситуация выбора на эстетической стадии

Основополагающей характеристикой выбора на эстетической стадии, не подкреплённой сосредоточенным вниманием человека к собственному этическому и духовному облику, является его неполноценность. Обусловлена она некоторыми причинами, сформулированными С. Кьеркегором и реконструированными М. Мамардашвили.

Выбор, рождаемый здесь и сейчас, одинаково изолированный от прошлого и будущего, обречён на бессодержательность. Он заведомо обескровлен по отношению к ткани бытия отдельно взятого человека. По С. Кьеркегору, «коль скоро человек выбирает не абсолютно, он выбирает лишь на один момент, а потому уже в следующее мгновение может выбрать как-то иначе» (Кьеркегор, 2021, с. 605).

Зыбкость выбора обусловлена ещё инерционными силами, овладевающими человеком в тот момент, когда он, истощённый драматизмом собственного существования, обессиленный сиюминутным выбором, погружается в меланхолию. «И поскольку ис-

точник меланхолии – это “распадение человеческого существа на тысячи мелких кусков”, то есть утрата самого себя, то выходом из неё может быть только обретение, так сказать, восстановление самого себя, а последнее достигается актом выбора» (Гайденко, 2007, с. 115). По П.П. Гайденко, «акт выбора – это волевой акт, вся трудность в рассмотрении этого вопроса, происходит от смешения мышления и свободной воли – двух совершенно противоположных человеческих способностей» (Там же). Эти способности противоречат заданности эстетических реалий, выбор в которых не приемлет опоры на рациональное начало, а обусловлен преимущественно потворством собственным желаниям. Эти способности препятствуют созданию поэтического изображения на любом из языков искусств, в котором «различия между правдой и неправдой, вымыслом и истиной живописуются со страстью как предмет для отчаяния или ликования, как нечто главное, и этой всегда неправда» (Кьеркегор, 2018, с. 200). Мышление, равно как и свободная воля, воспринимает крайности, уравнивая их. К мышлению и свободной воле человек прибегает после получения опыта стенаний между правдой и неправдой, вымыслом и истиной.

Да и можно ли расположение человека к чему-либо на эстетической стадии называть словом «выбор»? «Эстетический же выбор либо оказывается совершенно непосредственным, а потому вообще не является выбором, либо теряется во множественности» (Кьеркегор, 2021, с. 602). Почему непосредственный выбор – не есть выбор в привычном смысле этого слова? По причине того, что этим словом называют самопроизвольные, инстинктивные реакции на внешние раздражители, прорастающие в наших чувствах и эмоциях. Выбор отступает перед множественностью. В эстетическом развороте существования его монументальность сменяется оттенками мнимой разницы, полученными за счёт преломлений цветов и жестов, звуков и слов. За многоголосицей этой вариативности можно распознать изощрённые попытки подтвердить своё право на существование, однако попытки робкие, лишённые истинного желания узреть собственные уникальные черты.

По убеждению С. Кьеркегора, «эстетическое начало требует языка, требует диалога» (Кьеркегор, 2021, с. 121), что свидетельствует о творении мира и себя с оглядкой на кого-то. Эстетически ориентированный человек выбирает, надеясь на определённый ответ. Своим выбором он вопрошает или отвечает, ищет материал для более объёмного отражения мира и себя, материал внешне диалектичный по природе своей неподатливости, требующий диалектичного усвоения изнутри, материал, способный создать пространство для взаимообращения эмоций и чувств.

«Выбор из бесконечного числа возможностей не есть в строгом смысле выбор, это произвол в смысле создания нового, другой ситуации – творчества» (Мамардашвили, 2018, с. 342). Эстетическому выбору трудно подлинно осуществиться в творчестве, в неопостижимой игре созидания, когда эмоции и чувства, преломляясь

в свете воображения, отбрасывают блики на поверхности разных видов искусств. Эти блики получают окончательную оформленность только в условии готовности человека выдержать крайнее напряжение. «Готовности совершить важнейшее в жизни действие. Готовности становиться на предел» (Спирова, 2021, с. 216). Предел, в свою очередь, утверждается в умении человека действовать, одновременно формируя себя в эстетическом, этическом и религиозном отношениях.

Выбор, реализуемый личностью в горизонте эстетического, был и остаётся художественно обусловленным. Он отвлечён от конкретно осознаваемых, бытийно очерченных пространственно-временных ориентиров. Время для эстетика нередко бывает более значимым, чем пространство. Пространство для него – фон недостаточной резкости, недостаточной яркости. Фон, несовершенный по причине своей угловатой данности в прозаической действительности. Время – это условие для продления впечатлений, калька настоящего, накладываемая на субъективно значимые моменты, призванные раскрыть потенциал «двойного наслаждения». Время в эстетическом регистре существования можно понимать как прообраз ускользающего сверхчувственного, а пространство – впечатляющего чувственного. Если говорить о подлинно, а не иллюзорно эстетическом, то его корни следует искать в областях, скрытых от взора, спешащего, но не поспевающего за мгновением эстетика. «Корни эстетического лежат в некоторой промежуточной области. ... Эта область представляет собой разрыв между чувственным и сверхчувственным, а именно в этих непостижимых глубинах зарождаются состояния, делающие возможным искусство» (Кормин, 2019, с. 35). И время, и пространство в горизонте эстетического носят обременительно-условный характер. Они являются параметрами, которые преодолеваются фантазией человека-творца ради целей, поставленных воодушевлением, страстью и/или мстостью. Выбор, подсказанный воодушевлением, носит черты инфантильности. Он формируется под воздействием бессознательных влечений к тому, что обещает кратковременное или долгосрочное забвение себя. Отвлечение от себя подготавливает почву для действия страсти, полагающей границы личной субъективности. Нанести эти границы на карту личностного становления станет возможно только в том случае, если страсть потеряет адресную направленность. Тогда растворение в прекрасном сначала уступит место растворению в идее, а впоследствии определит меру воздействия идеи на впервые прозревающую себя экзистенцию. Если же человек позволит страсти сохранить свою адресную направленность, тогда его последующий выбор может осуществиться уже под знаком мести. Мести, вызванной разочарованием действительностью, затмевающей узко ориентированную страсть. Слово «узко» в данном случае вмещает в себя реалии всего видимого, слышимого, осязаемого и обоняемого мира.

Последний столь убедителен в своём оглушительном разнообразии, что человек, поражённый его чувственным многоцветьем, начинает понимать выбор всего лишь как возможность, но не как необходимость. Выбор для него приобретает эпизодическое значение, тонет в калейдоскопе множественностей. Траектория выбора становится кольцеобразной, ведущей лишь к обновлению спектра переживаний, врождённо или приобретённо свойственных человеку.

На основании вышеизложенного можно заключить, что основополагающими характеристиками выбора на эстетической стадии являются:

1) его непосредственность как чистая, но поверхностная эмоциональная реакция на излюбленные раздражители – реакция, которая проходит бесследно для личности, не желающей определять свою этическую, а впоследствии и религиозную принадлежность;

2) его бессодержательность, вызванная слепотой по отношению к структурному единству самой личности;

3) его ограниченность в реализации. Выбор, вдохновлённый энергией эстетического, в полной мере оправдан лишь в пространстве творчества. При перенесении в жизненное пространство его красота оборачивается театральностью. Его эмоциональность таит в себе боль непризнания со стороны избранного человека, без понимания того, что единственно избранным человеком в пространстве существования является не кто-то извне, а он сам.

Выбор – не проявление авторского условного рефлекса на происходящее, не художественно оформленный отклик на увиденное, не лирическая остановка в поисках вариативных отражений себя. Выбор – это прежде всего производное нашей рациональности и волевого начала. Только выбор, фундированный одухотворенной волей и являющийся долгожданным итогом мыслительного процесса, приобретает также действительные эстетические очертания. Такой выбор, который по сути самим собой уже не является, становится условием формирования личности: «Наша не поддающаяся расчленению целостность, содержащая в себе и некоторые убеждения, мысли, определение воли есть... решение» (Мамардашвили, 2019, с. 381).

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

- Бахтин, 2022 – *Бахтин М.М.* Автор и герой в эстетическом видении. СПб.: Алетейя, 2022. 544 с.
- Бычков, Маньковская, 2022 – *Бычков В.В., Маньковская Н.Б.* Энциклопедический поиск. Эстетика // *Философская антропология*. 2022. Т. 8. № 1. С.158-187.
- Гайденок, 2007 – *Гайденок П.П.* Трагедия эстетизма: о мирозерцании Серена Кьеркегора. М.: URSS, 2007. 243 с.
- Кормин, 2019 – *Кормин Н.А.* Эстетический регистр способности суждения: метафизические ключи // *Философия и культура*. 2019. Вып. 10. С. 7-49.
- Кьеркегор, 1999 – *Кьеркегор С.* Дневник обольстителя / Пер. с дат. П. Ганзен. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. 349 с.
- Кьеркегор, 2012 – *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти / Пер. с дат. Н.В. Исаева, С.А. Исаев. М.: Академический проект, 2012. 157 с.
- Кьеркегор, 2018 – *Кьеркегор С.* Беседы и размышления / Пер. с дат. А.В. Лызлов. М.: РИПОЛ классик, 2018. 512 с.
- Кьеркегор, 2021 – *Кьеркегор С.* Заключительное ненаучное послесловие к философским крохам / Пер. с дат. Н.В. Исаева, С.А. Исаев. М.: Академический проект, 2021. 613 с.
- Кьеркегор, 2021б – *Кьеркегор С.* Или-или. Фрагмент из жизни / Пер. с дат. Н.В. Исаева, С.А. Исаев. М.: Академический проект, 2021. 776 с.
- Мамардашвили, 2016 – *Мамардашвили М.К.* Полный курс лекций. Философия Европы. Психологическая топология пути. М.: Издательство АСТ, 2016. 968 с.
- Мамардашвили, 2018 – *Мамардашвили М.К.* Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.
- Мамардашвили, 2019 – *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении. Санкт-Петербург: Азбука, 2019. 476 с.
- Никитина, 2018 – *Никитина И.П.* Особенности философии искусства, эстетики и искусствоведения как научных дисциплин // *Вестник ВГИК*. 2018. Т. 10. № 4. С. 103-114.
- Симонова, Аверюшкин, 2022 – *Симонова С.А., Аверюшкин А.Н.* К вопросу об эстетизации современной культуры // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2022. Т. 24. № 4. С. 73-77.
- Спирова, 2021 – *Спирова Э.М.* Мераб Мамардашвили: автор со своим голосом и поступком // *Философская антропология*. 2021. Т. 7. № 1. С. 205-223.
- Barnett, 2018 – *Barnett C.B.* Painting with words Kierkegaard and the aesthetics if the icon // E. Ziolkowski (Ed.) *Kierkegaard, literature and the arts*. Everston: Northwestern University Press, 2018. Pp. 177-191.
- De Feijoo, 2015 – *De Feijoo A.L.M.C.* The rescue of the aesthetic character of existence in Kierkegaard philosophy // *Journal of Religion and Health*. 2015. Vol. 54. No. 4. Pp. 1470-1480.
- Pavlikova, 2023, web – *Pavlikova, M.* Repetition as a path to authentic existence in Kierkegaard's work // *Journal of Education Culture and Society*. Vol. 14. No. 2. URL: <https://www.jecs.pl/index.php/jecs/article/view/1589> (дата обращения: 11.02.2024).
- Penchev, 2018, web – *Penchev, V.* Mamardashvili, an observer of the totality. About "Symbol and consciousness", and the cross between East and West, infinity and finiteness // *Labour and Social Relations*. Vol. 29. URL: <https://philarchive.org/archive/PENMAO> (дата обращения: 11.02.2024).

Stoker, 2010, web – Stoker, W. The place of art in Kierkegaard's existential aesthetics // *Bijdragen: International journal in philosophy and theology*. No. 2 URL: [https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/2678247/art+Kierkegaard%27s+Aesthetic s.pdf](https://research.vu.nl/ws/portalfiles/portal/2678247/art+Kierkegaard%27s+Aesthetic%20s.pdf) (дата обращения: 11.02.2024).

References

- Bahtin, M. M. (2022). *Author and Hero in Aesthetic Vision*. Aletheia Publ. (In Russian)
- Barnett, B. C. (2018). Painting with words Kierkegaard and the aesthetics if the icon. In *Kierkegaard, Literature and the Arts* (pp. 177-191). Northwestern University Press.
- Bychkov, V. V., Mankovskaya, N. B. (2022). Encyclopedic search. Aesthetics. *Philosophical Anthropology*, 8, 1, 158-187 (In Russian).
- De Feijoo, A. M. L. C. (2015). The rescue of the aesthetic character of existence in Kierkegaard philosophy. *Journal of Religion and Health*. 54, 4, 1470-1480.
- Gajdenko, P. P. (2007). *The Tragedy of Aestheticism: on the Worldview of Soren Kierkegaard*. URSS Publ. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (1999). *Diary of a Seducer*. Academic project Publ. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (2012). *Illness unto Death*. Academic project Publ. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (2018). *Conversations and Reflections*. RIPOL classic Publ. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (2021). *Final Unscientific Afterword to Philosophical Crumbs*. Academic project Publ. (In Russian).
- Kierkegaard, S. (2021). *Or-or. Fragment from Life*. Academic project Publ. (In Russian).
- Kormin, N. A. (2019). The aesthetic register of the faculty of judgement: metaphysical clues. *Philosophy and Culture*, 10, 7-49 (In Russian).
- Mamardashvili, M. K. (2016). *Full Course of Lectures. Philosophy of Europe. Psychological topology of the path*. AST Publ. (In Russian).
- Mamardashvili, M. K. (2018). *The Essay of Modern European Philosophy*. Azbuka-Atticus Publ. (In Russian).
- Mamardashvili, M. K. (2019). *Conversations about Thinking*. Azbuka Publ. (In Russian).
- Nikitina, I. P. (2018). Peculiarities of philosophy of art, aesthetics and art history as scientific disciplines. *Bulletin of the All-Russian State University of Cinematography*, 10, 4, 103-114 (In Russian).
- Pavlikova, M. (2023). Repetition as a path to authentic existence in Kierkegaard's work. *Journal of Education Culture and Society*, 14, 2. Retrieved February 11, 2024, from <https://www.jecs.pl/index.php/jecs/article/view/1589>
- Penchev, V. (2018). Mamardashvili, an observer of the totality. About "Symbol and consciousness", and the cross between East and West, infinity and finiteness. *Labor and Social Relations*, 29, 3, 189-199.
- Simonova, S. A., Averyushkin, A. N. (2022). Towards the aestheticization of contemporary culture. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 24, 4, 73-77 (In Russian).
- Spirova, E. M. (2021). Merab Mamardashvili: an author with his own voice and deed. *Philosophical Anthropology*, 7, 1, 205-223 (In Russian).
- Stoker, W. (2010). The place of art in Kierkegaard's existential aesthetics. *Bijdragen: International Journal in Philosophy and Theology*, 2, 180-196.